

Пролог

В двадцати милях от побережья штата Мэн друг на дружку смотрят острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен. Они похожи на двух стариков, пытающихся переглядеть друг друга, и каждый уверен, что другой без него пропадет. Рядом с этими островами ничего нет. Они находятся посреди пустоты. Скалистые, по форме напоминающие огромные картофелины, они образуют маленький архипелаг. Обнаружить на карте эти острова все равно что совершить «открытие» — обнаружить города-близнецы посреди прерии, поселки-близнецы в пустыне, две совершенно одинаковые юрты в тундре. Изолированные от всего мира, острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен разделены между собой лишь узкой полоской с бурным течением — это водное пространство именуется проливом Уорти. Пролив Уорти, имеющий ширину около мили, местами настолько мелок, что если вы соображаете, что делаете (если вы *на самом деле* соображаете, что делаете), то вы, пожалуй, хорошенько подумаете, прежде чем решитесь переплыть этот пролив даже на каноэ.

С точки зрения географии острова Форт-Найлз и Корн-Хейвен так поразительно похожи, что невольно думаешь: их создатель был или великим глупцом, или великим юмористом. Один остров представляет собой почти точную копию другого.

Острова — последние вершины некоего древнего, погрузившегося в океан горного хребта — это слой одного и того же высококачественного гранита, залежи которого открываются в зарослях роскошных елей. Протяженность каждого из островов примерно четыре мили в длину и две — в ширину. Оба имеют по несколько небольших заливов и маленьких пресноводных озер, а также россыпь скалистых бухточек, один песчаный пляж, один высокий холм и одну глубокую гавань, которая спрятана на дальнем (от материка) берегу, словно мешок с золотом.

На том и на другом острове есть церковь и школа. Поблизости от гавани проходит главная улица с горсткой общественных заведений — почтой, бакалейной лавкой и ресторанчиком. Ни на том, ни на другом острове нет шоссежных дорог. Дома на островах очень похожи друг на друга, а в гавани стоят почти одинаковые лодки. Оба острова находятся в зоне довольно забавного климата. Зимой здесь теплее, а летом прохладнее, чем в любом из городов на побережье материка. Довольно часто острова окутывает густой призрачный туман. На обоих островах можно встретить одни и те же разновидности папоротников, орхидей, грибов и шиповника. И наконец, на этих островах живут одни и те же виды птиц, лягушек, крыс, лис, змей и людей.

Первые следы обитания человека на островах Форт-Найлз и Корн-Хейвен оставили индейцы племени пенобскот. Они обнаружили здесь потрясающие запасы яиц морских птиц. В некоторых бухточках до сих пор можно найти древние каменные орудия этих первопоселенцев. В такой дали, посреди моря, пенобскоты задержались ненадолго. Острова служили им временными базами для рыболовства, а в семнадцатом веке удобство островов с этой точки зрения по достоинству оценили французы.

Первыми постоянными обитателями Форт-Найлза и Корн-Хейвена стали двое братьев-голландцев — Андреас и Уолтер ван Хейвель. В тысяча семьсот втором году они привезли на острова своих жен и детей и заявили о правах на эти земли —

по острову на семью. Свои поселения они называли «Вифлеемом» и «Ханааном». Фундамент дома Уолтера ван Хейвеля сохранился до сих пор — груда камней, поросших мхом, посреди луга на острове, некогда носившем название «Ханаан». На самом деле, именно на этом месте Уолтер погиб от руки своего брата ровно через год после того, как они поселились на островах. В тот день Андреас убил и детей своего брата, а его жену увез на остров Вифлеем, чтобы она жила с его семьей. Говорят, Андреас был в полном отчаянии из-за того, что его жена не слишком быстро рожала ему детей. А ему хотелось иметь потомство побольше, вот он и взял себе единственную женщину на много миль в округе. Несколько месяцев спустя Андреас ван Хейвель сломал ногу, занимаясь постройкой амбара, и умер от заражения крови. Женщин и детей в скором времени после этого спас проходящий неподалеку от острова британский патрульный корабль. Британцы отвезли их в форт Пемаквид*. Обе женщины в то время были беременны. Одна родила здорового сына и назвала его Найлзом. Ребенок второй женщины умер при родах, но жизнь матери спас Тадеус Корн, английский врач. Как-то уж так получилось, что эти события дали новые названия островам — Форт-Найлз и Корн-Хейвен. Но на этих чудесных островах никто не селился еще пятьдесят лет.

А потом нагрянули шотландцы и ирландцы и задержались здесь. Некий Арчибальд Бойд с женой, сестрами и мужьями сестер в тысяча семьсот пятьдесят восьмом году поселился на острове Корн-Хейвен. На протяжении следующего десятка лет к ним присоединились Коббсы, Поммерои и Стрэченсы. Дункан Уишнелл со своим семейством в тысяча семьсот шестьдесят первом году основал на острове Форт-Найлз овечью ферму, и вскоре у него появились соседи по фамилии Дальглиш, Томас, Адамс, Лайфорд, Кардоуэй и О’Доннел, а также кое-кто из

* Ныне Бристоль, штат Мэн. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Коббсов, перебравшихся сюда с Корн-Хейвена. Девушки с одного острова стали выходить замуж за парней с другого. Фамилии начали переплывать с Форт-Найлза на Корн-Хейвен и обратно, словно поплавки, сорвавшиеся с якорей. К середине восемнадцатого века появились и новые фамилии вместе с новыми поселенцами — Френд, Кэшн, Йейл и Корден.

У этих людей были общие предки. К тому же численность населения островов была невелика, и совсем неудивительно, что со временем островитяне начали все больше и больше походить друг на друга внешне. Близкородственные браки считались преступлением. И все же Форт-Найлзу и Корн-Хейвену каким-то образом удалось избежать участи острова Малага, где жители настолько перемешались между собой, что в конце концов пришлось вмешаться государству и всех с острова эвакуировать. Но как бы то ни было, родовые линии на Корн-Хейвене и Форт-Найлзе стали очень непрочными. Со временем у жителей обоих островов развилось типичное телосложение (средний рост, мускулистость, широкие плечи) и внешность (бледная кожа, темные брови, маленький подбородок). Через несколько поколений можно было сказать, что каждый мужчина смахивает на своего соседа, а в каждой женщине с первого взгляда можно было признать ее предков.

Все они были рыбаками и фермерами, пресвитерианцами и конгрегационалистами, в политике — консерваторами. Во времена Революционной войны* все стали патриотами колоний, а во времена войны Гражданской посылали парней в синих шерстяных мундирах воевать за Союз в далекую Виргинию. Островитяне не любили, чтобы ими кто-то управлял. Они терпеть не могли платить налоги. Они не доверяли разным экспертам, их не интересовало ни мнение, ни внешность незнакомцев. За го-

* Революционная война — другое название Войны за независимость (1775—1783).

ды оба острова по разным причинам и обстоятельствам включались в состав ряда материковых округов. Эти политические слияния ни разу не заканчивались добром. В итоге всегда получалось хуже для островитян, к тысяча девятисотому году Корн-Хейвену и Форт-Найлзу позволили образовать независимый, самоуправляемый район. Объединившись, они образовали крошечный округ Скиллет. Но и это территориальное формирование продержалось недолго. В конце концов, острова разделились. Похоже, на том и на другом острове люди чувствовали себя спокойнее, безопаснее и независимее в гордом одиночестве.

Население островов продолжало расти. К концу девятнадцатого века произошла насильственная экспансия, сопряженная с началом разработок залежей гранита. Молодой промышленник из Нью-Гемпшира, доктор Жюль Эллис, развернул на обоих островах деятельность своей компании «Эллис-гранит» и вскоре сколотил состояние на добыче и продаже полированного черного камня.

В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году население Корн-Хейвена достигло рекордной цифры — шестьсот восемнадцать человек. В это число входили шведские иммигранты, нанятые компанией «Эллис-гранит» для тяжелой поденной работы. Часть гранита на Корн-Хейвене была такой грубой и шершавой, что годилась только на изготовление надгробных камней, и с этой работой легко справлялись простые рабочие вроде шведов. В том же году на Форт-Найлзе насчитывалось шестьсот двадцать семь душ, включая иммигрантов из Италии, нанятых в качестве искусных каменотесов. На Форт-Найлзе имелись залежи высококачественного гранита, годящегося для изготовления склепов, а такой гранит обрабатывать умели только итальянцы. Работы на гранитном производстве для местных жителей почти не было. Компания «Эллис-гранит» предпочитала нанимать иммигрантов. Им и платить можно было поменьше, и управлять ими было легче. Приезжие рабочие и коренные островитяне

общались мало. И все же на Корн-Хейвене несколько местных рыбаков женились на шведках, и население этого острова пополнилось блондинами. А на Форт-Найлзе так и преобладали темноволосые люди с большой примесью шотландской крови. Никто из жительниц Форт-Найлза не выходил замуж за итальянцев. Это считалось неприемлемым.

Шли годы. Рыбу стали ловить иначе. С крючков перешли на сети, с трески на хека. Лодки стали больше. Фермы захирели. На Корн-Хейвене возвели здание муниципалитета. На Форт-Найлзе через речку Мердер-Крик перебросили мост. В тысяча восемьсот девяносто пятом году по дну моря проложили кабель, и на островах появились телефоны, а к тысяча девятьсот пятнадцатому в некоторых домах уже было электричество. Гранитное производство сократилось, а потом и вовсе остановилось в связи с применением бетона. Население уменьшилось так же быстро, как до того выросло. Молодежь покидала острова в поисках работы в больших городах, на крупных заводах. При переписи населения начали исчезать старинные фамилии. Последний из Бойдов умер на Корн-Хейвене в тысяча девятьсот четвертом. После тысяча девятьсот десятого на Форт-Найлзе не осталось ни одного О'Доннела. В двадцатом веке с каждым десятком лет фамилий на обоих островах становилось все меньше и меньше. Некогда эти острова были малонаселенными и снова стали такими.

Что было необходимо обоим островам (необходимо всегда) — так это приток свежей крови и ее циркуляция между Корн-Хейвеном и Форт-Найлзом. Обитатели этих островов жили в такой дали от остальных сограждан, они были близки по темпераменту, по родословной, имели общую историю и, по идее, должны были бы стать добрыми соседями. Они нуждались друг в друге. Им следовало друг другу помогать. Они должны были бы делиться тем, что имеют, и тем, что их огорчает. Любое сотрудничество было бы на пользу и тем, и другим.

И возможно, из них все-таки получились бы хорошие соседи. Возможно, их судьба сложилась бы иначе, и между ними не было бы ссор. Правду сказать, первые лет двести между островитянами царил мир. Наверное, если бы обитатели Корн-Хейвена и Форт-Найлза оставались простыми фермерами и рыбаками, из них получились бы превосходные соседи. Но как все могло бы сложиться, нам угадать не дано, потому что со временем они стали ловцами омаров. Вот тут-то и пришел конец добрососедским отношениям.

Омары не признают границ и, ясное дело, их охотникам тоже приходится границ не признавать. Ловцы омаров ищут их везде, куда ни занесет этих морских раков, то есть охотятся за своей добычей по всему морскому мелководью и вдоль побережья. Это значит, что идет постоянная конкуренция за районы лова. Ловцы омаров мешают друг другу, они спутывают веревки, к которым привязаны чужие ловушки, они шпионят за чужими лодками, воруют друг у друга полезные сведения, сражаются за каждый кубический ярд моря. Каждый омар, пойманный одним ловцом, — это тот омар, которого другой ловец упустил. Ловля омаров — суровое и грубое дело для суровых и грубых людей. Но все мы люди, и каждого из нас творит то, чем он занимается. Молочное животноводство делает людей уравновешенными, надежными и сдержанными. Охота на оленей делает людей молчаливыми, развивает быстроту реакции и чувствительность. Ловля омаров делает людей подозрительными, хитрыми и жестокими.

Первая омаровая война между Форт-Найлзом и Корн-Хейвеном разразилась в тысяча девятьсот втором году. Другие острова, расположенные в заливах вдоль побережья штата Мэн, тоже воевали из-за омаров, но все эти войны происходили позже. В тысяча девятьсот втором году ловля омаров еще не достигла промышленных масштабов; омар в то время еще не был редким деликатесом. В тысяча девятьсот втором году омаров было как грязи, они не стоили ни гроша и вызывали у людей

только раздражение. После сильных штормов сотни и тысячи этих морских раков выбрасывало на берег, и приходилось собирать их вилами и увозить на тачках. Был принят закон, воспрещавший богатым хозяевам кормить своих слуг омарами чаще трех раз в неделю. В то время ловлей омаров островитяне занимались исключительно для получения дополнительного дохода плюс к тому, что им давало фермерство и морское рыболовство. На ту пору жители Корн-Хейвена и Форт-Найлза промышляли омаров всего-то лет тридцать, а на ловлю отправлялись в сюртуках и галстуках. Словом, дело это было новое, поэтому даже удивительно, что кто-то сумел так вложиться в промысел омаров, чтобы начать из-за него войну. Однако именно это и произошло в тысяча девятьсот втором году.

Первая омаровая война между Форт-Найлзом и Корн-Хейвеном началась со знаменитого необдуманного письма, написанного мистером Валентином Адамсом. К тысяча девятьсот второму году Адамсы жили на обоих островах; Валентин Адамс был с острова Форт-Найлз. Его знали как человека довольно неглупого, но жутко упрямого, и, возможно, он был самую малость не в своем уме. Письмо, о котором идет речь, Валентин Адамс написал весной тысяча девятьсот второго года. Оно было адресовано в Бостон, председателю второй международной конференции по рыболовству — весьма престижного мероприятия, на которое Адамса не пригласили. Аккуратно переписанные копии этого письма он разослал в несколько главных газет, посвященных рыбной ловле и выходивших на Восточном побережье. Также он отправил копию письма почтовым катером на остров Корн-Хейвен.

Валентин написал:

«Господа!

Чувство долга обязывает меня с прискорбием сообщить о возмутительном преступлении, совершаемом коварными

членами из ряда наших местных ловцов омаров. Я наименовал это преступление „накоплением омаров-недоростков“. Я имею в виду род деятельности, выражающейся в том, что некоторые бесчестные ловцы омаров под покровом ночи тайком вытаскивают ловушки-горшки, поставленные добропорядочными ловцами, и подменяют крупных омаров менее ценными недоростками. Представьте себе ужас добропорядочного добытчика омаров, который при свете дня вытаскивает со дна поставленные им горшки-ловушки и обнаруживает в них исключительно никчемных омаров-недоростков! Я лично не раз становился жертвой подобного преступного поведения *своих соседей* с расположенного поблизости острова Корн-Хейвен! Пожалуйста, поставьте в известность возглавляемую вами комиссию об этой преступной практике и рассмотрите вопрос о задержании и наказании этих корн-хейвенских разбойников (чьи имена я перечисляю для ваших агентов).

Остаюсь вашим благодарным осведомителем,
Валентин Адамс».

Весной тысяча девятьсот третьего года Валентин Адамс написал письмо на третью международную конференцию по рыболовству, которая снова проводилась в Бостоне. На эту конференцию, еще более многочисленную, чем годом раньше, прибыли важные люди из канадских провинций, а также из Шотландии, Норвегии и Уэльса. Адамса опять не пригласили. Да и с какой стати его было приглашать? Что делать простому рыбаку вроде него на таком представительном форуме? На конференцию съезжались эксперты и законодатели, и там было не место для рассмотрения местных заварушек. С какой бы стати туда пригласили Валентина Адамса, когда там собрались важные шишки из Уэльса и Канады, а также все преуспевающие оптовые рыботорговцы из Массачусетса, а также все

знаменитые сотрудники рыбоохранной службы? Но, как бы то ни было, Валентин Адамс написал:

«Джентльмены!

Со всем моим уважением, господа, прошу вас передать вашим коллегам следующее: беременная самка омара носит на своем брюшке от двадцати пяти до восьмидесяти тысяч икринок, которые рыбаки именуют „ягодками“. В качестве продукта питания некогда эти соленые икринки-„ягодки“ добавляли в супы. Вы наверняка помните, что поедание этого пищевого продукта было официально запрещено несколько лет назад и ловля икраных самок омара была объявлена противозаконной. Это разумно, господа! Это было сделано ради важной цели — ради решения проблемы омаров вдоль Восточного побережья и сохранения их поголовья. Джентльмены! В настоящее время вы наверняка уже слышали о том, что некоторые наглые ловцы омаров уклоняются от исполнения закона, соскребая ценные икринки с брюшка самок омаров. А добропорядочным добытчикам омаров следует всегда заботиться об увеличении их поголовья, ибо от оно-го увеличения напрямую зависит их выгода!

Джентльмены! Будучи выброшенными в море, эти икринки не превращаются во взрослых омаров. Нет, они становятся закуской (в количестве от двадцати пяти до восьмидесяти тысяч) для голодных косяков трески и палтуса. Джентльмены! Взгляните на набитые утробы этих ненасытных рыб и подсчитайте, сколько омаров исчезает у наших берегов! Взгляните на этих беззастенчивых соскребателей икры! Это они повинны в снижении поголовья наших омаров! Джентльмены! В Святом Писании сказано: „Заколоть ли всех овец и волов, чтоб им было довольно? Или вся рыба морская соберется, чтобы удовлетворить их?“*

Я имею самые достоверные сведения, господа, о том, что на соседнем острове Корн-Хейвен *все рыбаки до единого* занимаются соскребанием „ягодок“! Несмотря на мои сообщения, аген-

* Чис. 11:22.